

ПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

ЗА РУБЕЖ

ТЕАТРЫ
ВСТРЕЧАЮТСЯ
В БЕРЛИНЕ

Ежегодно в столице ГДР проходит традиционный Берлинский фестиваль театра и музыки. Этот праздник — большое культурное событие не только для деятелей искусства, но и для зрителей, которые ежевечерне заполняют театральные и концертные залы.

Приподнятость, праздничность ощущались и на нынешнем фестивале. Развевались от вдруг набежавшего резкого ветра флаги, пылая в лучах осеннего солнца всем своим разноцветьем. Белели транспаранты с эмблемой фестиваля — изображением знаменитой Красной ратуши. Театральные афиши манили множеством знакомых и незнакомых названий.

С каждым годом расширяет свои географические рамки берлинский театральный форум, на который собираются как свои, немецкие, так и зарубежные творческие коллективы.

Особенно широко на этот раз была представлена музыкальная программа, в рамках которой выступили симфонические оркестры и балетные группы, знаменитые певцы и фольклорные ансамбли более чем из двадцати государств мира, в том числе и из нашей страны. В фестивальные дни состоялось немало музыкальных премьер. В немецком оперном театре с большим успехом прошла «Пиковая дама» П. И. Чайковского в постановке Б. Покровского и оформлении И. Глазунова.

Программа драматического искусства была не столь представительна, как музыкальная. Но тем не менее драматические театры заняли достойное место на этом театральном празднике. И если раньше на фестивале показывали в основном спектакли только немецких театральных коллективов, то сегодня было представлено несколько зарубежных театров. Советское искусство представлял Эстонский драматический театр имени В. Кингисеппа, который предложил на суд зрителей «Живой труп» Л. Толстого и «В вихре ветров» А. Китцберга (эстонские актеры показали эти спектакли и зрителям города Эрфурта).

Мы познакомились и с театральными коллективами, приехавшими, если можно так сказать, из диаметрально противоположных географических точек: канойским традиционным классическим театром «Туонга» из Вьетнама и группой под руководством актера миланского «Пикколо-театра» Ферруччо Солери. И если с итальянским искусством берлинский зритель встречается не в первый раз, то гастроль вьетнамского «Туонга» проходила впервые. Зрители восторженно, искренне, с радостью и теплотой приняли виртуозных вьетнамских актеров, познакомивших их с одним из направлений театральной культуры Вьетнама, корни которой уходят в глубь веков.

Такое же подлинно народное искусство — искусство комедии дель арте — представили на фестивале и итальянские артисты. Они показали спектакль-композицию «Арлекин и другие», куда вошли стихи и тексты разных эпох, фрагменты из пьес репертуара миланского «Пикколо-театра» и комедии Гольдони «Слуга двух господ».

С большим интересом ожидали премьеры знаменитого «Берлинер ансамбля» — дитяца Бертольта Брехта — его «Трехгрошовая опера», поставленная группой режиссеров под руководством ученика и последователя Брехта Манфреда Векверта.

Прямо с самолета попадаю на этот спектакль. В приложении к программе читаю: «Надеюсь, что мы немного приблизились к пьесе, обратясь к истории постановки». И, как сказано дальше, постановщиками были изучены и воспроизведены все приемы, техническое оснащение сцены, костюмы, декорации первой постановки 1928 года.

Начинается спектакль с исполнения уличным певцом всемирно известного и популярного зонга о бандите Макхите по прозвищу Мэкки-нож. Оркестр, расположенный на помосте в глубине сцены, сопровождает действие.

По бокам белые экраны — щиты, на которые проецируются тексты зонгов, одновременно исполняемые актерами, точно следующими указаниям Брехта: «Пение включается в действие» — вовсе не потому, что от избытка чувств не хватает слов... По

желанию автора актеры выходят из роли и не просто поют, а передают речитативом мысль, социальный смысл зонгов.

В роли Мэкки-ножа выступил хорошо известный советскому зрителю по гастрольям «Берлинер ансамбля» в нашей стране прекрасный исполнитель ролей многих брехтовских персонажей Эккехард Шалль.

Замысел постановщиков, которые захотели «вернуть» нам Брехта в первоначальном варианте, понятен и интересен. Ведь «Трехгрошовая опера» имеет большую сценическую историю. Ее ставили много и по-разному — от остропублицистического варианта до опереточного. Очистить сегодня пьесу от всевозможных наслоений — дело почетное, но вместе с тем и сложное. Сложное, потому что поэтика Брехта всегда была остро социальна, его творчество всегда оборачивалось к каждому поколению какой-то новой стороной, каждый новый спектакль перекидывал мостик в день сегодняшний. И если бы ныне, с сегодняшними актерами, Брехт ставил этот спектакль, он, вероятно, по-иному разворачивал бы действие, иное, современное звучание вкладывал бы в зонги.

К сожалению, трепетно и любовно восстанавливая спектакль конца двадцатых годов, постановщикам не удалось найти те болевые точки, которые соприкоснулись бы с днем сегодняшним, не удалось разрешить противоречия между восстановлением и брехтовской поэтикой, всегда остро социальной и актуальной, не удалось вдохнуть в восстановленную форму живую душу.

На сцене «Фольксбюне» шла в эти дни пьеса Г. Гауптмана «Бобровая шуба». Эта воровская комедия, как определил жанр пьесы автор, предстала на сцене в постановке режиссеров Хельмута Штрасбургера и Эрнстгеорга Херинга как острая и едкая сатира, направленная не только против прусского чиновничества и мещанства конца XIX века, когда была написана пьеса, но и против тупого верноподданничества перед сильными мира сего, против карьеристов всех мастей, всех времен.

Спектакль развивается в двух планах. Один реалистический, бытовой — это мир простых людей — прачки фрау Вольф (Марианна Вюншер), которая вместе с мужем, мечтающим разбогатеть, занимается браконьерством.

В этих эпизодах зрителей от героев спектакля не отделяет ничто. Пол сцены находится на одном уровне со зрительным залом, и зрители являются как бы соучастниками происходящего. И вдруг дугообразная авансцена с каким-то унылым скрежетом начинает медленно подниматься, и образовавшаяся рампа уже отделяет сидящих в зале от канцелярии жандармского участка, где сцены с начальником фон Верганом, писарем Глазенапом и рассыльным Миттельдорфом носят остро гротесковский характер. Это уже другой план — сатирически-обличительный.

Непосредственные дела, какими должен заниматься фон Верган, роль которого виртуозно играет Гюнтер Юнгханс, как представитель полиции в округе (в данном случае — поимкой вора), его несколько не интересуют. Главное для него — карьера, а поэтому надо выдумать, создать политического преступника и, естественно, найти его. Жертвой становится доктор Флейшер (Хартмут Цульс), который, судя по доносам «верноподданных», читает прогрессивные газеты, держится независимо, ни перед кем не пресмыкается.

В этом ансамблевом спектакле много комедийных сцен и положений. Чего стоит только блестящее исполнение Урсолой Каруссайд мужской роли старого, забывчивого, всегда под хмельком рассыльного. (Я даже сразу и не догадалась, что эту мужскую роль так виртуозно играет актриса — мастер перевоплощения, если бы мне об этом не сказала моя попутчица, доктор Эльке Виганд, которой я очень благодарна за заботу и внимание в период моего пребывания в Берлине).

«Бобровая шуба» в «Фольксбюне» — злая сатира, уничтожающая, разоблачающая тупых и надменных карьеристов, рвущихся к власти.

И еще одну премьеру уда-

лось посмотреть в эти фестивальные дни, премьеру молодежного театра в «Паласте», организованного несколько лет назад Верой Эльшлегель, спектакли которого играют в фойе великоколенного Дворца Республики. Пона это не стабильная труппа. На каждую постановку приглашаются актеры из разных театров Берлина. И вот режиссеры Петер Шрот и Петер Кляйнерт собрали актеров — недавних выпускников театрального института и студентов третьего курса — и поставили «Ромео и Юлию» (под таким названием идет здесь «Ромео и Джульетта» Шекспира). И если в спектакле «Берлинер ансамбля» «Синие кони на красной траве» М. Шатрова, который был показан на фестивале, эти студенты были заняты в массовых сценах, то здесь многие из них исполняли центральные роли: Томас Хармс — Париса, Мариан Вольф — Бенволио, Иенс Уве Богадхе — Балтазара, Иоахим Нимтц — Петра. В роли Ромео — Томас Рюман. Юлию играет молодая актриса, завоевавшая уже популярность, Коринна Харфук.

На сцене, вернее, прямо на полу, окруженном большим амфитеатром зрительских кресел, четыре стула, стоящих по углам. Выходят молодые люди в черных прорезиненных плащах: двое с белой полосой на спине — слуги Монтеки, а двое других с красной полосой — Капулетти. Они в раздражении переставляют стулья. И мы сразу попадаем во враждующий мир Вероны. Все герои шекспировской трагедии одеты в белые костюмы, только одни из них, Тибальд (Дитмар Буркхард), весь в черном, блестящем, как у мотогонщика, комбинезоне и шлеме. Он — злой рок, олицетворяющий вражду двух семейств и жаждущий все новых и новых столкновений извечно враждующих фамилий.

Фестивальная премьера «Ромео и Юлия» по духу своему спектакль студийный. Конечно, он полностью не раскрывает гуманистическую философию шекспировской трагедии. Думается, что режиссеры и не ставили перед собой и молодыми актерами такой сложной задачи. Они попытались, и не без успеха, рассказать о двух влюбленных, об их чистоте и верности, о любви как могучей силе, которая возвышает человека, обогащает его душу.

«Ромео и Юлия» очень своевременный спектакль. Он напоминает молодежи, сидящей в зрительном зале, о том, что любовь не разменная монета, а большое, глубокое чувство, прекрасное и светлое, несмотря ни на какие жизненные ситуации.

Отрадно, что будущие актеры уже со студенческой скамьи приобщаются к театральной практике, выходят на подмостки профессионального театра, играют рядом с мастерами, набираются у них опыта.

Входит ли такая практика выступлений студентов на профессиональной сцене в учебный план института? С таким вопросом я обратилась к ответственному секретарю Союза театральных работников ГДР, педагогу и режиссеру Рюдигеру Фолькмеру. Он положительно ответил на этот вопрос. И рассказал мне о ребятах, которые этим летом взяли пьесу одного из старинных немецких авторов Хр. Райтера, писавшего для бродячих трупп, рассказывающую о приключениях Арлекина, переделали ее и поехали на лошадах в турне по стране. Они выступали под открытым небом, на глазах у зрителей гримировались, переодевались, как бы включая их в игру.

— Это прекрасная инициатива студентов, которая, надеюсь, будет подхвачена и продолжена в дальнейшем, хорошая творческая школа, — сказал Р. Фолькмер.

Берлинский фестиваль в этом году отмечал свой четвертьвековой юбилей — родился он двадцать пять лет назад как внутриреспубликанский смотр театрального искусства. Год от года рамки его расширялись. И сегодня он стал поистине международным праздником искусства, приобрел широкую популярность у театральных деятелей многих стран мира.

Н. МОИСЕНКО,

спец. корр.

«Советской культуры».

БЕРЛИН — МОСКВА.